

УДК 165

## ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО, ВЗГЛЯД: ФИЛОСОФИЯ ЗНАНИЯ

*B.V. Костецкий*

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина при Российской академии художеств, г. Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 13.09.25

В окончательном варианте: 18.10.25

---

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме знания за пределами человеческого существования. Вопрос в такой формулировке снят с повестки дня, не будучи решенным. Традиционно знание трактуется как достояние сознания, соответствующее реальности; с возникновением кибернетики знание стало сводиться к информации. Оба подхода следуют признать ошибочными. Знание не есть факт сознания и несводимо к информации. Актуальность темы статьи предздана преодолением традиционных заблуждений. Научная новизна статьи состоит, во-первых, в том, что «бытие» в традиционной метафоре склада (мастерской) заменяется на «бытие-под-взглядом» в метафоре выставки. Мир не склад, а выставка. Нет «бытия», есть «бытие-под-взглядом». Во-вторых, исходная форма знания не имеет никакого отношения к сознанию, а является эпифеноменом «демонстративного поведения» со стороны любой «вещи». Бытие-под-взглядом демонстративно; в самом факте демонстрации заложен эффект «знания». Демонстрация априори требует «наблюдателя», фигура которого неслучайно появляется в физике. В-третьих, понятие информации не заменяет собой понятие «знание». Информация есть записанное знание; именно по этой причине информация исчислимa, а знание неисчислимo. Методология авторского исследования опирается на опыт историко-философских и эстетических исследований, культурологический анализ трансовых когнитивных практик и культуру физико-математического мышления в силу полученного базового образования. Целью статьи является выработка нового подхода к пониманию знания за пределами человеческого существования. Для достижения поставленной цели решается ряд задач, включая поиск соответствующей терминологии и критику привычных тезисов. К терминам согласно авторскому подходу к теории объективного знания относятся «бытие-под-взглядом», «выставка», «экспонат», «демонстрация», «чтение», «знак», «взгляд». Практическое применение результатов статьи возможно в области физики (касательно проблемы существования), в области теории познания (проблема объективности знаний), в области образования. Полуобразованность давно уже стала «нормой», особенно при сведении знания к информации. Наука страдает от полуобразованности не меньше, чем образование, замыкаясь в принятых «парадигмах». Самая вредная для современной науки парадигма сводится к метафоре «склада» в понимании мира. Понятие «знание» не вписывается в парадигму складского мировосприятия – по этой причине интерес к теме «знания» в науке и философии практически иссяк.

**Ключевые слова:** знание, взгляд, демонстрация, экспонат, бытие-под-взглядом, информация, эмпатия, симпатия, синергия, философия науки.

---

## READING, WRITING, VISION: A PHILOSOPHY OF KNOWLEDGE

V. Kostetsky

St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture  
named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts,  
Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 13.09.25

Revision submitted: 18.10.25

---

**Abstract.** The article is devoted to the problem of knowledge beyond human existence. The question in this formulation is removed from the agenda without being solved. Traditionally, knowledge is interpreted as a property of consciousness corresponding to reality; with the emergence of cybernetics, knowledge began to be reduced to information. Both approaches should be recognized as erroneous. Knowledge is not a fact of consciousness and is not reducible to information. The relevance of the topic of the article is predetermined by overcoming traditional misconceptions. The scientific novelty of the article consists, firstly, in the fact that "being" in the traditional metaphor of a warehouse (workshop) is replaced by "being-under-view" in the metaphor of an exhibition. The world is not a warehouse, but an exhibition. There is no "being", there is "being-under-view". Second, the original form of knowledge has nothing to do with consciousness, but is an epiphenomenon of "demonstrative behavior" on the part of any "thing". Being-under-view is demonstrative; in the very fact of demonstration lies the effect of 'knowledge'. Demonstration a priori requires an "observer", whose figure does not appear in physics by chance. Thirdly, the concept of information does not replace the concept of knowledge. Information is recorded knowledge; it is for this reason that information is incalculable, while knowledge is incalculable. The methodology of the author's research is based on the experience of historical-philosophical and aesthetic studies, cultural analysis of trance cognitive practices and the culture of physical and mathematical thinking due to the basic education received. The aim of the article is to develop a new approach to understanding knowledge beyond human existence. To achieve this goal, a number of tasks are addressed, including a search for appropriate terminology and a critique of familiar theses. The terms in the conceptual meaning of the author's approach to the theory of objective knowledge include "being-under-view", "exhibition", "exhibit", "demonstration", "reading", "sign", "vision". Practical application of the results of the article is possible in the field of physics (concerning the problem of existence), in the field of theory of cognition (the problem of objectivity of knowledge), in the field of education. Semi-education has long been the "norm", especially when reducing knowledge to information. Science suffers from semi-education no less than education, closing in the accepted "paradigms". The most damaging paradigm for modern science is reduced to the metaphor of a "warehouse" in understanding the world. The concept of "knowledge" does not fit into the paradigm of the warehouse worldview – for this reason, interest in the topic of "knowledge" in science and philosophy has practically dried up.

**Keywords:** knowledge, vision, demonstration, exhibit, being-under-view, information, empathy, sympathy, synergy, philosophy of science.

---

«Жизнь Вселенной –  
это вечный тысячеустный разговор»

Новалис

«Мир превратился в мировую машину,  
эфир в газ,

Бог в силу, а загробный мир в гроб»

Жан Поль

Как ни странно, так сложилось, что в научной и философской литературе трактовку «знания» столетиями обходят стороной, едва упомянув. Можно взять любое издание: академическое, справочное, учебное, монографическое, – ситуация с пояснением «знания» будет одна и та же. Например, глаголют о том, что «познание есть процесс приобретения знаний», а позднее вставляют: «знание есть результат познания». Наличие круга в определении и определение одного неизвестного через другое никого не смущает. Университетские профессора в своих лекциях и учебных пособиях для аспирантов комментируют «знание» с ловкостью фокусника, начав с сакриментальной фразы «знание бывает научное и ненаучное», далее перечисляют приметы того и другого известным методом «Остапа понесло». Но в философии стоит вопрос не о перечислении признаков знаний разного вида в науке, в быту, в религии или искусстве; вопрос стоит о том, что есть знание по способу своего существования. В пояснение постановки вопроса уместно привести известный казус из истории науки: «что есть теплота физическая?». Как известно, искали в качестве текучей жидкости, нашли в форме статистического параметра движения частиц. В естественных науках подобный маневр пытаются применить и к знанию, сводя его к информации как мере преодоления хаоса. У знания, безусловно, есть такая функция, только вопрос «что есть знание?» этим не снимается. Конечно, и причину можно определять по следствиям, однако научным подобный подход назвать трудно. Физику ветра не определить ссылкой на раскачку деревьев или срывание с прохожих шляп.

Первоначальный интерес к «знанию» как объекту исследования обозначился в пределах риторики. В царствах Древнего Востока красноречие представлялось пышным и возвышенным слогом при обращении к властелину или красавице. В античные времена от пышного слога отказались, поскольку ставились иные цели: от ритора требовалось умение заставить себя слушать тех, кто не имел подобного намерения, будь то отдельный человек, общество или толпа. Интерес к слову за пределами грамматики появился впервые соответственно у риторов. Оглащенное слово должно было не привлекать звучностью звучания, а будить мысль или переводить внимание на определенную вещь. Слова понимались как этикетки на складе вещей, а мысль – как умение по этикетке найти вещь. Подчеркнуто примитивное понимание языка вдвойне устраивало риторов, особенно при смещении риторики в софистику, авторами которой и были риторы. Простые софизмы строились по схеме «есть слово о вещи – есть вещь». Критико-аналитическая работа над софизмами привела к пониманию того факта, что слова, вещи и мысли необходимо разводить по разным мирам. Как следствие, странная способность думать ни о чём, вести разговоры, похожие на умные, придавать вещам не свойственное им значение перестали удивлять. Какое-то время софистика в Элладе нравилась населению: она забавляла, радовала свободой дурачества, принимала характер национального остроумия. Естественно, так не могло продолжаться долго. Рано или поздно наступала пора, когда требовалось умение не смешивать слова

с делами, мысли со словами, вещи с представлениями о них. Именно в этих условиях было положено начало понятию «знание».

Насколько последовательным был этот процесс – свидетельствуют термины, относящиеся к «знанию» в древнегреческом языке. В Элладе различали, например, знание из авторитетного источника или личного опыта. Первое называлось «гносиc», второе «эпистемэ». Знание, которое доказуемо силами обсуждающих, называлось «матема»; напротив, знание, не подлежащее обсуждению в силу разных причин, называлось «догма». Знание, с которым стоит сверяться, называлось «парадигма», а мимоходом полученное случайное знание именовалось «докса». Термины «миф» и «история» означали виды знания посредством рассказов. Термина, соответствующего «знанию вообще», не существовало вовсе. Был термин «логос» в значении знания у богов, людей, демонов, животных. Знание «логос» не превращалось в абстракцию, оставаясь конкретным. В термине «логос» утверждалась возможность пребывания феноменологии знания за пределами человека и человечества.

Знание в качестве «логоса» есть некая реальность, но довольно странная. Знание не есть слова, не есть мысли, не есть вещи. Знание «имеется» в книгах, в словах, в мыслях, тем не менее это нечто само по себе бытийственное. В современных условиях принято отождествлять знание с информацией. Но информация – это записанное знание; именно по этой причине информацию можно измерять количественно: страницами, томами, каталогами, байтами, генами, процентами. Измерению, собственно, поддается «носитель информации» или, в отдельных случаях, степень (процент) полноты информации. «Знание» как таковое не измеряется томами, страницами и любыми объемами любой письменности, «текста».

Строго говоря, феномен знания имеет отношение не к письменности, а к чтению – если не сводить, конечно, чтение к грамотности. Уже первобытный охотник не разглядывает следы животных, а читает их. Охотник по следам животных читает события, происходившие с ними определенное время назад; у охотника появляются знания об этих событиях, порой подробные. Понятно, что следопыт читает то, чего никто не писал. Отсюда можно сделать важный вывод: *чтение предшествует письму*.

При чтении – по следам, по буквам, по нотам, по картам, по жестам, по приметам – происходит странный процесс: смотрят на одно, видят другое. В этом и состоит суть «чтения». Опытный врач «читает» больного, опытный психолог «читает» личность, опытный следователь «читает» преступление. Чем талантливее специалист, тем быстрее он выделяет материал для чтения, быстрее читает и больше считывает. Весьма показательным примером может служить игра «Угадай мелодию». Одни считывают мелодию с трёх нот, другие не считывают и с семи.

Как известно по опыту освоения грамоты, невозможно читать при изоляции каждой буквы; поэтому учащиеся начинают читать по слогам, потом читают словами, а по окончании начальной школы читают целыми предложениями. Речь должна течь, перетекая из слова в слово, из предложения в предложение. Морфологически текучесть речи обеспечивается тем, что до окончания одного слова уже появляется ожидание другого. В речи каждые два соседних слова сопрягаются, связаны между собой окончаниями, падежами, склонениями и прочей грамматической премудростью. При чтении в какой-то степени будущее слово читается раньше предшествующего. Не случайно при чтении иногда возникает ощущение, что окончание предложения «наперёд известно». У античных стоиков даже термин был специальный: «пролепсис» – предсхватывание.

Процесс чтения универсален: «читается» погода, поведение животных, угрозы ландшафта, милости природы, внутренний мир личности. Материальные элементы, провоцирующие процесс чтения, называются «знаками». Вещи становятся «знаками» исключительно при вовлечённости в чтение. Что касается письма, то оно существует для чтения, причем в качестве необязательного дополнения к нему. Вряд ли следует пояснить это тем известным фактом, что можно быть знающим человеком при неграмотности.

Информация – термин по своему происхождению технический. Например, если орудийному расчету дать точные координаты цели, выстрелы будут точнее – меньше хаоса в пальбе. Точно так же при правильной организации склада товар легче найти, без хаотичных поисков. Наличие карты местности освобождает от хаотичных по ней блужданий. Понятие информации производно от каталога (библиотечного, складского, бухгалтерского). Каталоги, понятно, есть частный вид знания, так что знание (общее) к каталогам (частное) не сводится.

В свою очередь любой каталог предполагает наличие *склада*: книг, товаров, молекул, атомов. При определённой дозе цинизма «складом» можно назвать собственную квартиру, город, букет цветов. Вместе с тем ясно, что букет не есть только склад цветов и город не есть склад домов, а есть нечто многое большее. В отличие от информации феномен под названием «знание» имеет прямое отношение к сублимации склада «в нечто большее».

При складском миропонимании знание сводится к информации. Однако перехода в целях «теории познания» от информации к знанию не существует – как не существует перехода от трупа к живому существу. Если вернуться к примеру с букетом цветов, то очевидно, что это не склад цветов, не веник, а то, что радует взгляд и становится букетом именно под взглядом, причем эстетически восприимчивым. *Взгляд* – это именно та «субстанция», в которой имеет место «знание» как таковое.

Наука не случайно обходит стороной фундаментальный подход к пониманию знания, поскольку науке ничего не известно о том, что такое «взгляд». Еще Демокрит предпринимал попытку выяснить природу взгляда. По его мнению, из глаз исходят некие лучи, которыми ощущаются вещи. Аналогично этой схеме действительно работают технические приборы типа эхолота или радара. Однако какого-либо излучения из глаз до сих пор не обнаружено, что ставит существующую науку в тупик без намека на перспективу. В результате того, что нет понимания «взгляда», нет и понимания «знания».

В философии никто, пожалуй, не уделил «взгляду» большее внимание, чем Сенека в период античной философии и М. Мерло-Понти или О. Шпенглер в современной философии. В «Нравственных письмах к Луцилию» Сенека, собственно, ввел понятие «бытие под взглядом». Так, он писал: «Самое благотворное – жить словно под взглядом неразлучного с тобою человека добра, но с меня довольно и того, если ты, что бы ни делал, будешь делать так, как будто на тебя смотрят» [1, с. 57]. Что даёт в целях воспитания «бытие под взглядом»? На этот вопрос однозначно ответил О. Шпенглер: «Всякому известна разница в собственных движениях, возникающая в зависимости от того, знаешь ли, что за тобой наблюдают или же нет. Мы вдруг начинаем сознательно «говорить» всем, что делаем» [2, с. 116]. Между прочим, об этом еще раньше писал Д. Дидро в трактате «Опыт о живописи»: «Если вы не ощущаете различия между... человеком, находящимся в одиночестве, и человеком, на которого устремлены взоры, – бросьте в огонь ваши кисти» [3, с. 341].

Бытие-под-взглядом порождает феномен «разговора», отмеченный О. Шпенглером и привлекающим внимание М. Хайдеггера в его «фундаментальной онтологии».

У людей в бытии-под-взглядом меняется психосоматика, идёт корректировка языка жестов, языка всего тела, включая физиологию и работу внутренних органов. Не случайно люди краснеют, бледнеют, чернеют, желтеют, зеленеют, сереют. При этом взгляд не имеет характера физического воздействия – действует фактор, сопряженный со знанием, с вовлечением в «разговор» помимо сознания. Не случайно М. Хайдеггер пишет, что «дорога говорит, она жила и очеловечилась». Это фундаментальное заявление. Однако очевидно, что немецкий мыслитель незнаком с понятием «бытие под взглядом»; в противном случае он выразился бы точнее: дорога говорит, поскольку её бытие – «бытие под взглядом». Тем не менее Хайдеггеру эта мысль интуитивно знакома, что видно по выражению «дорога говорит»: путём привлечения внимания к своей телесности, путём «выставления себя напоказ», путём подстановки себя взгляду. Дорога в «бытии под взглядом» ведёт себя как субъект и, соответственно, «говорит». М. Хайдеггер выводит понятие «субъекта» за пределы человечества; с этого и начинается «фундаментальная онтология». Вещи в их бытии – не объекты человеческого внимания, а субъекты в бытии-под-взглядом своего окружения. В хайдеггеровском примере с «говорящей дорогой» всё ясно: оказавшись под взглядом путешественника, дорога (или облако, как в другом примере) вступает в разговор путём привлечения внимания к своей телесности. Ради пояснения следует обратить внимание на то обстоятельство, что человек не хозяин своего взгляда: очень часто взгляд непроизвольно переводится на то, что подставляет себя взгляду. В значительной степени человек видит не то, на что смотрит, а то, что он, с одной стороны, хотел бы видеть, и то, с другой стороны, что подставляет себя взгляду, обращая себя в зрелище.

Существует понятие, в котором феномены быть вещью и быть зрелищем совпадают: это понятие «экспонат». Экспонат есть вещь, выставленная напоказ. В качестве зрелища экспонат выставляет себя напоказ, подставляет себя взгляду, демонстрирует себя. Бытие экспоната, собственно, и состоит в демонстрации себя. На выставке зритель добровольно подставляет себя под демонстрации экспонатов, отчего рождается искомый феномен под названием «знание». *Демонстрация*, объединяя в себе взгляд и зрелище, собственно, и есть «знание» в своей исходной онтологической форме. Ярким примером «производства знания» путём демонстрации могут служить военные учения враждующих сторон вблизи своих границ.

Европейское миропонимание, начиная с Античности, сложилось на той основе, что мир есть большой склад (мастерская). Выражением складского мировосприятия явилась атомистика: сначала Левкиппа – Демокрита, затем И. Ньютона. В квантовой механике склад уже стал обретать черты выставки: в физику потребовалось ввести понятие «наблюдателя». Между тем в отношении мировосприятия метафора «выставки» была бы много продуктивнее метафоры «склада», закрепившей всё научное мышление, не исключая «постнеклассическую науку». Мир никогда и не был «складом»; мир изначально есть «выставка». Всё существующее требует бытия-под-взглядом, находит способ быть зрелищем и своим существованием творит бытие-под-взглядом в отношении всего своего окружения. В природе нет иного «бытия», чем «бытие под взглядом». Можно образно сказать, что «мир всевидящ». Соответственно все подстраиваются под всех и «привлекательность» является всеобщей заботой вещей на выставке мира. Мир красив не случайно: плод симпатической эволюции.

Онтология взгляда [4] при всем сопротивлении европейского складского мировосприятия рано или поздно, но логически приведёт к тезису «существовать – значит быть под взглядом своего окружения». Конечно, антропоморфизм должен быть

исключен: взгляд определяется не человеком и не глазами. Вещь не может явить собой экспоната, не найдя себе зрителя среди других вещей, а найдя, подставляет себя взгляду. Более того, вещи являются на свет уже экспонатами – так устроен этот мир. Эта идея не так нова, как может показаться: уже аристотелевская «энтелехия» обращала вещь в экспонат.

Если говорить о человеческом «взгляде», то уместно вспомнить такие выражения: «бросать взгляд», «отводить взгляд», «схватывать взглядом». В этих выражениях вектор взгляда направлен наружу, в то время как физика взгляда определяется в противоположном направлении, воздействием внешнего мира на орган зрения. Лучи физической природы входят в орган зрения, но взгляд в своём броске или в схватывании ничего физического не содержит. Из этого парадокса, собственно, и приходится исходить. У него, кстати, в истории философии есть автор, а, может быть, и не один. Еще Фихте в лекциях под названием «Факты сознания» утверждал, что в «видении» содержатся два противоположных процесса: материальное воздействие на орган зрения из внешнего мира и его проецирование вовне без признаков материальности. Нематериальное проецирование чувственных впечатлений вовне Фихте называл «мышлением» и «идеальным». В античные времена к аналогичным выводам приходил Цицерон, который писал: «А ведь мы воспринимаем видимое не глазами... видит и слышит именно душа, а не части тела, которые служат ей как бы окошками, но которыми ничего нельзя чувствовать без присутствия и участия ума» [5, с. 223].

Вслед за Цицероном возникает вопрос: «В чем именно состоит участие ума во взгляде?». Ответ на этот вопрос в тысячелетней истории философии и науки отсутствует. Отсутствует по той причине, что без понимания того, что такое «знание», нельзя понять, что такое «взгляд». Равно как и наоборот: без понимания природы взгляда невозможно понять природу знания. В онтологическом плане взгляд и знание представляют собой две стороны одной медали. В отношении человека можно говорить о том, что «взгляд» представляет собой корректировку знаний под воздействием внешних впечатлений. Корректура знаний сопровождается мимикой, языком жестов определенной направленности, что и выглядит в качестве «бросания взгляда». Взгляд человека не перцепция, а апперцепция. Узнавание сопровождается эмоциями и жестами типа схватить, обнять, осмотреть, что и приводит к телесной феноменологии взгляда как «выхода из себя».

Вопрос о том, имеет ли место реальный «выход из себя» в процессе познания, в философии обсуждался неоднократно, например П.А. Флоренским и М. Мерло-Понти. «Познание есть реальное выхождение познающего из себя, – писал Флоренский, – или, что то же самое, реальное вхождение познаваемого в познающего, реальное единение познающего и познаваемого. Это основное и характерное положение всей русской и вообще восточной философии» [6, с. 78]. Аналогичным образом высказывался Мерло-Понти: «Видение – это не один из модусов мышления или наличного бытия «для себя»: это данная мне способность быть вне самого себя... и моё «я» завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода во вне» [7, с. 51].

Вопрос о реальном «выходе вне себя» совершенно уместен, только к проблеме онтологии взгляда не имеет прямого отношения. «Выход из себя» характерен для «измененных состояний сознания», когда, например, пациент во время хирургических операций под наркозом видит всю операцию со стороны, причем своими физическими глазами. Бытие (Sain), вопреки мнению М. Хайдеггера, не то же самое, что «присутствие» (Dasain). Присутствие предполагает, что занимаемое место в пространстве остаётся непрерывно за присутствующим. Чаще всего это так и бывает. Но есть

исключения. Допустим (как говорят математики), некоего человека сограждане каждый день видят в родном городе, справедливо полагая, что его существование локализовано этим городом. Однако человек успевает каждую ночь бывать в другом городе, живя тайно «на два дома». Сограждане «присутствие» принимают за «существование», что является ошибкой. Причина ошибки понятна: моменты «присутствия» сливаются воедино, а моменты «отсутствия» выпадают из внимания. Если время условных «дня» и «ночи» считать «сколь угодно малыми величинами», то возникнет эффект, известный из разных историй о «странных случаях», когда, например, одного человека видели в разных городах «в одно и то же время». Существует научно подтвержденный факт на эту тему: шведский ученый Э. Сведенборг (1688–1772), делая доклад в Гётеборге, прервал его возгласом: «В Стокгольме пожар!» как очевидец события. Пожар действительно начался в тот момент вблизи его дома.

Что касается человеческого «взгляда», то он не требует «измененных состояний сознания». Выход из себя имеет место, только совершается он за счет языка – если язык, конечно, не сводить к «системе знаков». Язык в своей феноменологии имеет прямое отношение к знанию, причем в структуре слова обязательно присутствует взгляд в той или иной форме. Этому вопросу уделял внимание Аристотель [8]. По Аристотелю, слово представляет собой не этикетку вещи, а название для сборника рассказов о вещи. Рассказов об одной вещи много, название для многих рассказов одно. Оно и будет именем вещи. Референтом слова является не вещь (как было у софистов в древности и остается у лингвистов до настоящего времени), а рассказы о вещи. Именно по этой причине слово и вещь «переплетаются», по словам М. Фуко. При взгляде (на вещь) вещь демонстрирует себя, демонстрация дублируется рассказами в пределах апперцепции, рассказы «переплетаются» с демонстрацией, что и образует собой человеческий «взгляд».

Другое дело, что природа взгляда за пределами антропологии не имеет прямого отношения ни к языку, ни к «измененным состояниям сознания». Поэты не случайно проецируют антропологию на явления природы, подвергаясь критике за антропоморфизм. В китайской поэзии есть такие строки:

Я смотрю на горы.  
Горы смотрят на меня.  
И нам это не надоедает.

Да, у гор нет сознания. Означает ли это, что у гор нет знаний? Человек, взирая на горы, задерживает на них взгляд, обращая тем самым горы в зрелище, в экспонат. Но горы не склад, им быть экспонатом естественно. Экспонат не существует без зрителей, так что момент, когда человек не может оторвать взгляда от гор, является для них экзистенциональным. В связке экспонат-зритель горы внимают человеку. Происходит ли это в физическом пространстве или в каких-либо трансцендентальных локациях, пусть разбираются физики – если смогут. Для поэтов разговор с природой представляет собой довольно обычное явление. А. Толстой писал:

И слышу я, как разговор  
Везде немолчный раздаётся,  
Как сердце каменное гор  
С любовью в тёмных недрах бьётся.

М. Хайдеггер призывал верить поэтам, они не галлюцинациями увлекаются. В поэзии есть тоже опыт, опыт *симпатии*. Этот опыт теряется цивилизацией при складском мировосприятии, но удерживается поэтами. Так называемое «эстетическое восприятие» при всем его «незаинтересованном созерцании» (И. Кант) является одним из моментов симпатии в природе.

Природа вне симпатических взаимодействий, о которых ничего не известно современной физике, была бы действительно складом стройматериалов. Биологам приходится едва ли не с извинениями говорить о том, что растения способны любить или ненавидеть друг друга. Ювелирам с их пристрастным восприятием кристаллов приходится ещё хуже: от обвинений в мистике нет спасения. Природное содержание понятия «симпатия» утрачивается в цивилизованном обществе, сводимое к «приятному впечатлению». Между тем в явлениях симпатии есть явно физические моменты. Хирург в ответственные моменты операции чувствует свою руку не в кисти, а на острие скальпеля. Чувственность живого тела переходит на механическое тело орудия труда. В этом состоит феномен эмпатии. В симпатии феноменология сложнее. Симпатия возникает тогда, когда орудие труда реагирует на то, как в него вчувствуется мастер. Если мастер благоволит к своему «орудию труда», будь то скрипка, скальпель или охотничья берданка, то орудие отвечает взаимностью: само помогает работе. Не случайно говорят: «В своём доме стены помогают». И ландшафт помогает проживающим на его территории этносам выживать при наличии «любви к родине»: благодаря колебаниям погоды, миграции птиц, рыб, зверей, насекомых. Разговоры про «генерала Мороза» основываются не на пустом месте: в военной истории много подобных примеров. «Счастливый случай» или, напротив, «нечастный случай» в своей этиологии могут, конечно, быть случайными, но могут восходить к сфере симпатических взаимодействий.

Физики в своём техногенном творчестве к концу XX века заговорили о синергетике: в контексте «самоорганизации систем», кибернетики, робототехники. Но изначальный смысл «синергии» (содействия, кооперации) богословский: боги содействуют своим избранникам в достижении «успехов». Содействуют прежде всего посредством знания: нужная книга вдруг попадётся на глаза, идея во сне придет, случайная встреча окажется судьбоносной. Другой формой содействия является «удачное стечение обстоятельств», способность «быть в нужном месте в нужное время». Генералиссимус А.В. Суворов не из писательских фантазий утверждал, что «смелого пуля боится».

Феноменология симпатий и синергий лежит в основе религиозного опыта, особенно в союзе с поэзией и искусством. Г. Гегель в молодые годы не случайно заговорил о «естественной религии», упрекая за её отсутствие христианство. Точно так же Гегель выступил с критикой физики, особенно в диссертации под названием «Об орбитах планет» [8]. По замечанию Гегеля, планеты связаны с Солнцем не механически – посредством центростремительных и центробежных сил, описанных И. Ньютона по аналогии с опытом раскручивания ведра с водой на верёвке. Как известно, опыт был прост: человек раскручивает вокруг себя на верёвке ведро с водой, а вода не выливается, даже если ведро оказывается вверх дном. Верёвка испытывает натяжение, рука – напряжение. И. Ньютон натяжение верёвки обозначил «силой притяжения», удержание воды в перевёрнутом ведре объяснил «центробежной силой». Указанные «силы» Ньютон соотносил с движением планет вокруг Солнца, объявляя аналогию с натяжением веревки «силой всемирного притяжения». Для астрономических расчетов аналогия с ведром уместна, для понимания физики бесполезна. Не случайно Гюйгенс и Эйлер иронизировали над рассуждениями Ньютона в области астрономии. Ф. Рабле тоже не забывал подшутить над физиками, любящими сыр: почему бы не ввести «силу притяжения к сырь»? Как свидетельствует история науки, удачная формула может ничего не говорить о физике; так было, например, с «теорией теплорода» или «уравнениями Максвелла».

В природе, безусловно, есть физические взаимодействия телесного толка, но не все естественные взаимодействия сводятся к натурально-физическим. Исключением

являются, например, симпатические взаимодействия, в том числе посредством взгляда. При биоценозе растения видят друг друга, чем бы это самое «видение» не осуществлялось в природе. Находясь в отношениях соседства, растения знают друг о друге, «видят друг друга насквозь». Феномен «знания» возникает задолго до человечества и вне его; изначально знание существует в качестве симпатического видения друг друга в рамках соседских отношений. Из обычного опыта известно, что соседи, живущие на виду друг у друга, могут многое знать друг о друге, вообще не общаясь. И домашние животные что-то знают о своём хозяине, и даже пчёлы алоголика что-то знают о нём. Органы тела, соседствуя, знают друг о друге и могут питать взаимные симпатии или антипатии. Наука, возникшая в Европе в Новое время, упустила из виду целый мир взаимодействий в природе, проводя порой нелепые механические аналогии.

Спекулятивный метод Гегеля привел к пониманию истины (знания) как процесса, что закрепилось в народном сознании фразой «истина не есть отчеканенная монета». «Процесс», естественно, поняли технологически: знание плюс знание, шаг за шагом, от истины относительной к истине абсолютной. Но Гегель понимал «процесс» не технологически, а спекулятивно. Латинское слово *specula* имело ряд значений, в том числе «всматривание», аналогично декартовскому термину «интуиция». При спекулятивном подходе истина связана с видением, с появлением знания в виде античной «теории», в связи с чем и возник термин «умозрение». Для Гегеля истина как процесс означает дляящуюся очевидность, своего рода «бытие под взглядом» очевидца. Гегель не рассматривает истину как некое правильное знание в сознании человека: истина объективна уж тем, что существует вне человека (в качестве знания). Кстати, Гегель не разделяет знание на истину и не-истину. Не-истина есть удел человеческих умствований. Знание и истина есть одно и то же. Если не истина, то и не знание, а всё что угодно: фантазии, мифы, мнения, верования, заблуждения, ошибки, бредни.

М. Хайдеггер, весьма чувствительный к гегелевскому спекулятивному методу, древнегреческий термин «алетейя» переводит не в качестве «истины», а в качестве «неприкрытии» – для взгляда. Вещь в её неприкрытии и подставленности взгляду есть, как уже говорилось, экспонат – в единстве телесности и демонстрации. Когда демонстрация читается, она становится «знанием».

Говорить о том, что знание существует в форме некоей «ноосферы» по типу библиотеки, вряд ли уместно. В философии с античных времён блуждает мысль о «тождестве бытия и мышления» при всяком углублении в понятие «знание». Рассуждения начинаются с сакрального рассуждения о «трёх мирах» по типу К. Поппера (бытие, сознание, наука = знание), затем истина совмещается с бытием, а сознание с истиной. Такова логика исследования, из которого делаются выводы типа «бытие есть», «истина есть», «сознание есть», «знание есть». Выводы весомы в споре с теми, кто это отрицает. Между тем главный вывод должен быть совсем другим: бытия нет – есть бытие под взглядом.

Наиболее одиозное отношение к знанию в области философии проявляют те, кто посвящает своё время «философии науки». Начинается всё вроде как за здравие: «Сегодня даже анализ науки – “философия науки” – угрожает стать модой, специализацией. Философию не следует быть узким специалистом. Что касается меня, – пишет К. Поппер, – то я интересуюсь наукой и философией только потому, что хочу нечто узнать о загадке мира, в котором мы живем, и о загадке человеческого знания об этом мире» [9, с. 44]. Желание похвальное, слов нет, даже звучит благородно. Так что же удалось узнать К. Попперу «о загадке человеческого знания» за десятки лет исследований, прослушав сотни разного рода научных докладов, посетив множество конференций

по всему миру и мировых конгрессов? Ответ представлен парой тезисов. Во-первых, знание сводится к информации; во-вторых, знание «автономно» как существующее «третьим миром» между бытием («первым миром») и сознанием («вторым миром»). Скудоумие тезисов настолько смущает, что возникает даже сомнение в том, правильно ли читатель понимает авторский текст. Однако сомнения рассеиваются после того, как в разделе «Объективность и автономность третьего мира» К. Поппер довольно однозначно разъясняет свою точку зрения, начиная с заявления: «Мнение, что без читателя книга ничего собой не значит, является одной из главных причин ошибочного субъективного подхода к знанию» [9, с. 450]. Смысл громкого заявления сводится к аналогии: если в книгу как в коробку что-то положили, то оно там есть; неважно, читается книга или нет, живы ли люди на планете или все вымерли. Задавать вопросы типа «каким именно способом знание оказывается в книге?» не предполагается, это отдаётся на откуп воображению по примеру то ли варенья в вазочке, то ли сахара в чае. Понимание того, что в книгу не вложено знание, а там записана информация о знании, у Поппера отсутствует. Поппер не различает знание и информацию, судя по его рассуждениям и примерам. «Птичье гнездо является птичьим гнездом, – поясняет Поппер, – даже если в нем никогда не жили птицы» (там же). Действительно, птичье гнездо организовано определенным образом, и его можно рассматривать как запись информации. Другое дело, что эта информация может никогда не стать знанием – если эту информацию некому читать. Знание в чтении, а не в складировании, в том числе упорядоченном складировании. Как только К. Поппер отождествляет знание с информацией, автономность и объективность «знания-информации» не требуют дальнейших пояснений: вода мокрая, потому что это вода; а муравейник для муравьев даже без муравьев. Подмена «знания» «информацией» сводит всю проблематику философии знания к дурачеству по типу демокритовской шутки: «Человек – это то, что мы все знаем». Дельфийское пророчество «Познай самого себя», объявляющее человека неизвестным самому себе, остается серьёзным для узкого круга лиц – философов. Одним из первых на дельфийское пророчество откликнулся, как известно, Сократ.

В России «философия науки» как определенная школа или, скорее, кружок в начале XXI века вытеснила марксизм за пределы перечня тем для кандидатского экзамена по философии. Появились в спешном порядке учебники по «философии науки» с терминами «рост научного знания», «принцип фальсификации», «кумулятивизм», «парадигма», «научная революция», «пролиферация», «постнеклассическая наука», с неизменными классификациями и описаниями «признаков». Десятилетия профессорских трудов в школе К. Поппера, конечно, не прошли даром, только все результаты можно изложить самым обычным языком в пределах одного очерка, причем более обстоятельного, чем монографии «философов науки». Этого, однако, не случилось. Лозунг Н.М. Карамзина «Россия – это Европа» сработал во славу К. Поппера. В учебных пособиях для аспирантов в серии «Высшее образование» без всяких сомнений пишут о том, что «знание – объективная реальность, данная в сознании человека», а «всякое сознание существует в форме знания» [10, с. 9]. Зачем-то авторы коллективного труда для аспирантов, пережившего три издания, еще добавляют: «Сознание человека всегда есть осознанное бытие» [там же]. Почему всегда-то? Классики так не говорили. Классики вообще говорили о другом. «Свобода есть осознанная необходимость», – утверждал Б. Спиноза; «Бытие определяет сознание», – заявлял К. Маркс в «Критике политической экономии». Тот факт, что у профессоров философии в вопросе о знании цитаты из классиков превращаются в фантасмагорию, никого даже не удивляет.

Возможно, следовало бы воздержаться от критики каких-либо трудов по «философии науки», но иных способов убедить вольных и невольных почитателей её в сложности вопроса «о знании» достаточно проблематично. Упрощение вопроса о бытийственной стороне знания началось еще с бэконовской фразы «Знание – сила», где под знанием понималось образование, причем профессиональное. Начиная с Р. Декарта, возникает традиция рассматривать знание через противопоставление одного вида знания другому, в частности, достоверного знания знанию вероятностному. В философии И. Канта вопрос об объективности знания и вовсе был снят. В философии Г. Гегеля знание уже не смешивается с образованием; оно, образно говоря, не в книге или мозгах присутствует. Различая, например, музыку и дух музыки, язык и дух языка, народ и дух народа, семью и дух семьи, Гегель связывает знание с «объективным духом» в качестве реальности, причем энергичной. «Знание – сила» в устах Гегеля производно от «силы духа» (в том числе в военной коннотации). Дух вещи, по Гегелю, не в самой вещи, а в её истории, в историческо<sup>й</sup> причине её появления на свет. Связка духа вещи и самой вещи у Гегеля отсутствует, хотя и предполагается. Совершенно очевидно, что вещь пребывает («присутствует» – Dasain) в объективном духе самой себя, что требует особой феноменологии, например, в форме «демонстрации». Вещь собой демонстрирует дух вещи; засвидетельствованный факт демонстрации и есть «знание».

Вопрос об объективности «знания» востребован не только в интересах «теории познания», но и ради иной «картины мира». Если в сложившейся «научной картине мира», например, ландшафт не может «иметь знания» об этносах, на нём проживающих, то в новой картине мира подобный факт должен не только признаваться, но и исследоваться в своих синергических следствиях. Аналогичным образом в новой картине мира уместно говорить о том, что Земля знает, что происходит в её планетарном хозяйстве, – точно так же Солнце знает, что происходит в Солнечной системе. Вопрос об объективности знания не есть тема для абстрактных рассуждений, а есть начальный способ перехода к иному миропониманию, в том числе в области физики.

## Список литературы

1. Сенека, Л. Нравственные письма к Луцилию / Л. Сенека. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 463 с.
2. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1998. – 606 с. – ISBN 5-244-00656-8.
3. Дидро, Д. Эстетика и литературная критика / Д. Дидро. – Москва: Художественная литература, 1980. – 659 с.
4. Костецкий, В.В. Онтология взгляда – путь к новой онтологии мира / В.В. Костецкий // Парадигма. Очерки философии и теории культуры. – 2007. – Вып. 7. – С. 130–139.
5. Цицерон, М. Избранные сочинения / М. Цицерон. – Москва: Художественная литература, 1975. – 456 с.
6. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 496 с.
7. Мерло-Понти, М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – Москва: Искусство, 1992. – 63 с.
8. Костецкий, В.В. Потаённые страницы истории западной философии / В.В. Костецкий. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-00165-874-0.

9. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.
10. Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский [и др.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 346 с.

## References

1. Seneca L. Moral letters to Lucilius. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1986. 463 p. (In Russ.).
2. Spengler O. The Decline of Europe. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1998. 606 p. ISBN 5-244-00656-8 (In Russ.).
3. Diderot D. Aesthetics and literary criticism. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980. 659 p. (In Russ.).
4. Kostetsky V.V. Ontology of view – the path to a new ontology of the world. Paradigma. *Essays on philosophy and cultural theory*. 2007;7:130-139 (In Russ.).
5. Cicero M. Selected writings. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 456 p. (In Russ.).
6. Florensky P.A. Pillar and statement of truth. Moscow: Pravda, 1990. 496 p. (In Russ.).
7. Merlo-Ponti M. Eye and Spirit. Moscow: Iskusstvo, 1992. 63 p. (In Russ.).
8. Kostetsky V.V. Hidden pages of the history of Western philosophy. St. Petersburg: Aletheya, 2024. 424 p. ISBN 978-5-00165-874-0 (In Russ.).
9. Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge. Moscow: Progress, 1983. 605 p. (In Russ.).
10. Kokhanovsky V.P. [et al.]. Philosophy of science in questions and answers: a textbook for graduate students. Rostov-on-Don: Feniks, 2006. 346 p. (In Russ.).

## Информация об авторе

**КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович** – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт им. И.Е. Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 5878-8598. E-mail: kostavictor@yandex.ru

## Information about the author

**KOSTETSKY Victor V.** – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg state academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 5878-8598. E-mail: kostavictor@yandex.ru